

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

И. И. Качурина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 мая 2024 г.

Аннотация: в статье представлены результаты комплексного анализа лексических средств языковой репрезентации категории времени в поэзии Е. П. Ростопчиной. С помощью языковой репрезентации традиционных моделей циклического и линейного времени автор стремится показать их взаимосвязь как основу целостного взгляда человека на мир. Целью анализа является выявление особенностей языковой картины мира в поэзии Е. П. Ростопчиной. Категория художественного времени в стихотворениях автора выстраивается в определенную систему, складывающуюся из отдельных слов, семантическая структура которых включает семы «время» и «количество»: миг, час, день, ночь, время года, век.

Ключевые слова: семантика, художественное время, языковая картина мира.

Abstract: the article presents the results of a comprehensive analysis of the lexical means of linguistic representation of the category of time in the poetry of E. P. Rostopchina. Through the linguistic representation of traditional models of cyclical and linear time, the author aims to demonstrate their interconnection as the basis of a holistic view of the world. The purpose of the analysis is to identify the features of the linguistic worldview in E. P. Rostopchina's poetry. The category of artistic time in the author's poems is structured into a specific system, composed of individual words, whose semantic structure includes the semes "time" and "quantity": moment, hour, day, night, season, century.

Keywords: semantics, artistic time, linguistic picture of the world.

Категория времени относится к универсальным понятиям языкового сознания личности и служит базовой составляющей языковой картины мира любого народа. Однако универсализм данной категории не отменяет индивидуального представления о времени, сложившегося в языковом сознании отдельного индивида. Художественное время носит условный характер и является отражением авторской картины мира.

Еще в 70–80 гг. у лингвистов возникает интерес к проблеме актуализации категории времени в языке. Изучение языкового времени — это одна из наиболее разрабатываемых тем в современном языкознании. Разработкой исследований о проблеме воплощения категории времени в языке занимались А. А. Потехина [1], И. Р. Гальперин [2], А. В. Бондарко [3], Е. В. Тарасова [4], Е. Ю. Кандрашина [5].

При изучении языкового времени современные исследователи выделяют преимущественно две традиционные модели, впервые описанные М. Гюйо (1899 г.), — циклическое и линейное время. Позднее Б. А. Успенский расширил их понимание, отмечая, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное — историческому. Большинство современных ученых, в числе которых Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, сходятся на том, что

существуют две главные модели циклического и линейного времени, которые определили и два вида языкового времени. Н. Д. Арутюнова признает, что в абстрактной модели время формально, отвлеченно от мира и человека [6, 688]. Лишь присутствие человека в мире наполняет формальное время событиями.

Категория времени в поэзии имеет свою специфику. Время в лирике субъективно. Как правило, в поэтических произведениях оно передано как личное, не развернутое в подробную картину. Время — тот многоликий образ, через который поэт выражает свое «переживание жизни», разных сторон бытия, напряженное стремление проникнуть в смысл событий. Он размышляет о скоротечности времени и его бесконечной протяженности, о кратковременности существования человека на земле и его невозвратимости, о бурях и потрясениях в природе и человеческой душе.

В анализе языковой репрезентации универсальной категории «художественного времени» в поэзии Е. П. Ростопчиной мы опираемся на принципы контрастной поэтики, представленной в монографии И. Я. Чернухиной «Общие особенности поэтического текста»: «лингвистическим аспектом категории времени, или лингвистическим временем (темпоральностью), мы называем всю совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой

категории» [7, 18]. Для выявления речевых средств воплощения художественного времени в тексте ориентируемся на языковые способы его лексического выражения. Рассмотрим основные номинативные единицы, отображающие аспекты категории времени, которые поэт использует в своих произведениях.

Категория времени в стихотворениях Е. П. Ростопчиной выстраивается в определенную систему, складывающуюся из отдельных темпоральных лексем, семемы которых включают семы «время» и «количество»: *миг, час, день, ночь, время года, век*. Отсутствуют *месяцы* и *недели*, очень редко представлен *год*. Каждая лексическая единица сопряжена с определенными событиями, происходящими в жизни лирического героя. Нельзя не согласиться с Е. С. Яковлевой, которая по этому поводу справедливо отмечает: «для русского языкового сознания характерна качественная спецификация времени: время — как вместилище событий — является другим названием для жизни, а жизнь мыслится и описывается в категориях времени (мгновений, эпох, моментов)» [8, 62]. Это указывает на склонность поэта к употреблению настоящего времени, а также на заостренность внимания к каждому часу и каждой минуте прожитой жизни. Прошлое и будущее в ее стихотворениях выступают как некие отправные точки по отношению к настоящему. Лирический герой представляет свое будущее как настоящее. Свое состояние в настоящем он переносит в будущее. Частотной для представления конкретного типа времени становится лексема «час».

Общезыковое понимание дефиниции «час» представлено в «Толковом словаре живаго великорускаго языка» В. И. Даля: «час — время, времена, година, пора; | досуг, свобода от дел; | пора, срок, удобное к чему время» [9].

В индивидуально-авторской картине мира поэта «час» связан со значимыми событиями в духовной жизни лирического героя. События, происходящие в какой-либо «час», доставляют лирическому герою незабываемые эмоции, поднимают на новый духовный уровень, сулят благополучие в его дальнейшей жизни. У Е. П. Ростопчиной слово «час» входит в состав таких словосочетаний, как: «час мечтанья» [10, 68], «час благости» [10, 64], «час молебствия» [10, 109], «час надежд», «час блаженства», «самопознания час», «час скромный рукоделий» [10, 114].

Если содержанием конкретного типа художественного времени является отражение жизненного отрезка, то одновременно стихотворение воплощает конкретный тип художественного состояния, на что указывает семантика слов, стоящих рядом и имеющих значение «исключительного состояния»: «спокойствие», «молчание», «святые думы», «надежды», «восторг», «блаженство» [10].

Время воспроизводится в лирике на основе его эмоционального восприятия субъектом речи. Слово

«час» характеризуется следующими эпитетами: «блестящий», «необычайный», «счастливей», «сладостный», «торжественный», «нежданный», «горький» [10]. Когда наступает «час», события окружающей действительности замедляются, уходят на второй план, в этот момент чувственное моделирование может преобладать: «Двенадцать бьет, двенадцать бьет!.. / О, балов *час* блестящий, — / Как незаметен твой приход / Среди природы спящей!» [10, 99]; «В разуверенья горький *час*» [10, 102].

Выборочный анализ стихотворений Е. П. Ростопчиной показал, что в некоторых стихотворениях «час» приобретает конкретные временные характеристики «вечерний», «краткий». Это свидетельствует о том, что при восприятии времени в определенные моменты имеет место «умозрительность» и рефлексия. В таких стихотворениях чаще всего субъектом переживается важное событие.

Подводя итог анализу языковой репрезентации слова «час», важно отметить, что конкретный тип времени в поэзии Е. П. Ростопчиной неразрывно связан с конкретным типом состояния и события, а иногда совмещен и с конкретным типом пространства. Лирический герой находится в состоянии уединения, совершая глубокую мыслительную работу. События, происходящие в какой-либо час, сопровождаются действиями, которые выражены различными глаголами в настоящем времени: «переберу», «грустит», «молится», «плачет», «дрожит», а также глаголами неопределенной формы: «припоминать денные впечатления», «переживать прожитые волнения», «дни считать», «рассчитывать мгновения». Каждый час важен для автора, о чем свидетельствует частотное употребление этого слова в форме единственного числа.

Еще одной частотной лексической единицей категории времени становится «день». В толковом словаре В. И. Даля дается следующее значение дня — «сутки; | противоположна ночь; время от восхода до заката солнца; от утренней до вечерней зари; в самом тесном знач. часы около полудня, отделяющие утро и вечер» [9]. «День» в стихотворениях Е. П. Ростопчиной приобретает индивидуально-авторские языковые характеристики в виде прилагательных «скудный», «потерянный», «ясный», «духовный».

А также слово «день» может стоять в словосочетаниях, отражающих конкретный тип художественного состояния, а иногда события: «день суетных волнений», «дни без солнца, без веселья, туманные», «златые счастья дни».

Лексическая единица «день» часто встречается в контексте противопоставления. Субъект конкретного времени различается: «дни счастья» и «дни печали» [10, 171], «суетный день» и «духовный день» [10, 128], «природы день» и «день подложный» [10, 72].

Слово «день» может быть в форме единственного и множественного числа. Часто можно встре-

тить характеристику «младые дни» или «младой день» [10, 72].

В контексте первого примера есть имплицитное сравнение дня с годом. Автор стремится вложить в понятие конкретного типа времени «день» расширенное значение, искусственно увеличивает до года, чтобы показать, насколько важен в молодости каждый день. В стихотворении «Безнадежность» есть и эксплицитное сравнение года и дня. В индивидуально-авторском восприятии Е. П. Ростопчиной «день» связан с категориями пространства и состояния. При воплощении конкретного типа художественного времени также изображается пространство («безжизненная степь», «безмолвная тишина») и воспроизводится переживаемое состояние лирической героини («наедине с напрасными и грустными мечтами» [10, 77]). В другом примере года сужаются в своем значении до «потерянных дней». Конкретный тип художественного времени не имеет определенной протяженности.

Е. П. Ростопчина использует указательные местоимения «те», «такие», чтобы показать, что есть особенные дни для переживания определенного состояния, испытываемого лирическим героем: «В те дни, — гляжу, — и солнце ярче блещет...» [10, 71], «Те дни мечты и горды и прекрасны» [10, 71], «Ее я помню в дни такие: / Как хороша она была!..» [10, 102], «В такие дни всем встречным развлечениям / Бесспорно мы мгновенья отдаем» [10, 157].

Практически все важные события в жизни лирического героя происходят за один или несколько дней. Нет точного числового указания на количество дней. Суточный цикл в стихотворениях Е. П. Ростопчиной включает в себя не только день, но и ночь, которая в стихотворениях Е. П. Ростопчиной изображается реже.

Ночь в общеязыковом понимании имеет несколько значений:

- время, когда солнце бывает под закроем (горизонтом), противополог. день;
- *невежество, незнание истин и добра; мрак духовный. Народ этот, умом и сердцем, живет в ночи [9]. Как отмечают некоторые исследователи, в русском языковом сознании это время суток является пустым, без какой-либо деятельности, некий провал, за которым идет утро, когда все начинается. Ночь может символизировать как распад, так и покой [11].

Для Е. П. Ростопчиной ночь — вдохновенное время, обладающее особенным очарованием. Ночь сравнивается с чудом, вызывающим удивление, характеризуется «теплой», «ароматной». Интересно, что в стихотворениях Е. П. Ростопчиной только это художественное время воспроизводится на основе его тактильного и обонятельного восприятия субъектом речи: «А ночь-то... а ночь!.. что за диво!.. / Тепла, ароматна она...» [10, 86].

Визуальный способ восприятия не преобладает, как в предыдущих примерах, потому что ночь пред-

полагает отсутствие света и препятствует возможности видеть в темноте. Ночь непосредственно связана с внутренними процессами, с душой и сердцем, воплощающими художественное состояние страсти и тоски лирической героини: «Прелесть ночи с жадной страстью / Пью душой моей...» [10, 210]; «Ветер свищет, ветер воет, / Ночь темна и холодна; / Сердце тяжко, тяжко ноет, / И томит его тоска» [10, 46].

Е. П. Ростопчина выделяет еще одно время суток — вечер. Он характеризуется задумчивым и мечтательным состоянием лирического героя, предполагающим воспоминания о чем-то очень важном: «Люблю я колокол унылый / В вечерний час, вдали сует» [10, 53]; «Вы вспомните меня, мечтая одиноко / Под вечер, в сумерки, в таинственной тиши» [10, 84].

Такое индивидуально-авторское понимание лексической единицы «вечер» очень схоже с универсальным понятием, отраженным в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова: «Вечер — время суток после окончания дня до наступления ночи, показывающее завершение дневных трудов и приближение отдыха или служения. Вечер связывается с усталостью и неспособностью к новым свершениям и в то же время дает возможность оценить прошедший день» [11].

Фактом существования цикличности категории времени в поэзии Е. П. Ростопчиной является изображение времен года. В поэзии Е. П. Ростопчиной представлены три времени года: весна, зима и осень.

Весна связана с мотивом воскресения и обновления. Весна дает надежду на радость и новую жизнь: — «Вся природа обновится, / Воскресит ее весна» [10, 46].

— «А я, рожденная для солнца и весны» [10, 62].

— «Близка, близка весна! Все радуется ей...» [10, 158].

— «Весна пришла!.. Ее дыханье / Вселенной жизнь дарует вновь...» [10, 247].

Зима представлена в нескольких стихотворениях. С одной стороны, это время «крещенских морозов», когда холодно и вся природа спит. А с другой стороны, это время теплых душевных встреч с друзьями и близкими. Поэту жаль, что после долгой зимы все собираются разъезжаться и не будет больше «чайного стола, бесед за полночь, с друзьями сообщенья ежеминутного»:

— «Мне жаль, что как виденье / Из теплых зим еще одна прошла!» [10, 158].

— «Когда, порой зимы, так рано вечереет, / И солнце без лучей на западе тускнеет, / Мне жаль, мне жаль молодого дня...» [10, 72].

— «Примета скучных зимних дней, / Снегов, морозов предвещанье, / Двойные рамы здесь!..» [10, 112].

Упоминание об осени редко появляется в стихотворениях, но осень изображается как любимое время года поэта: «И я отдам весну младую / Со всею жатвой гордых роз / За осень бледную, нагую / Иль за порывы летних гроз!..» [10, 46].

В экспрессивных конструкциях, когда речь идет о дальнейшей судьбе лирической героини, используется лексема «навек» в разных словоформах:

«Навек дала благой обет...» [10, 56]; «О, пусть сокроются навеки мои мечты» [10, 99]; «Увы!.. Увы!.. Та жаркая рука, — / Она в гробу!.. она навеки остыла» [10, 152]; «С поэзию простился он навеки / И с прозою сухою помирился» [10, 242].

Особым образом в стихотворениях Е. П. Ростопчиной осмысливаются годы детства. Они связаны с волнительными временами. Воспоминание о них появляется только в мечтах и то «на миг»: «И мне волшебницей мечтою / На миг дни детства вновь даны» [10, 30].

Происхождение слова «миг» непосредственно связано с глаголом «мигать», то есть, закрыв глаза, можно понять, что все прошло, кратковременное настоящее стало прошлым. Но в стихотворениях Ростопчиной также есть и обратная ситуация, если мгновение прекрасно, то лирический герой способен остановить время и запомнить его надолго:

«Ты сопряжен / Навек в моем воспоминаньи / С годами детства моего, / С рождением пламенных мечтаний / В уме моем». [10, 126]

В последние годы жизни Е. П. Ростопчиной в поэзии появляется тема безысходности человеческой жизни, приближения смерти как неизбежности и восприятия времени как рока: «Приходят дни, и дни уходят, / Им счета не держу уж я; / Они надежды не приводят / В мир, безнадежный для меня» [10, 266]

Системный анализ языковой репрезентации категории времени, основанный на теоретических положениях, позволяет сделать определенные выводы о том, что художественное время в стихотворениях Е. П. Ростопчиной представлено широкой парадигмой, начинающейся с незначительного мига и заканчивающейся веком. Поэтесса часто вспоминает прошлое, сравнивая его с настоящим. Годы детства в стихотворениях можно вспомнить лишь «на миг», а годы старости подвергаются философскому осмыслению, подразумевающему связь с вечностью («навек»).

Время в поэзии Е. П. Ростопчиной характеризуется субъективностью.

Лирический герой воспринимает время через призму своего художественного состояния, своих действий и поступков. Время имеет для него смысл лишь в связи с событиями его собственной жизни. Категория времени и человек рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодействующие ве-

личины. Ход времени может меняться, ускоряться, замедляться или даже останавливаться в зависимости от происходящих событий и состояния лирического героя.

Категория времени в языковой картине мира Е. П. Ростопчиной чрезвычайно сложна и многогранна, что объясняет большое количество отдельных темпоральных лексем. Но необходимо отметить, что их объединяют признаки линейности (прошлое, настоящее и будущее наступают последовательно) и цикличности (присутствует деление на день, вечер и ночь, времена года), которые в рамках языковой картины мира дополняют друг друга. Жизнь лирического героя, как и любой процесс, циклично меняется, но одновременно, вместе со временем, линейно движется вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — М.: Искусство, 1976. — 613 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин — М., 2006. — 144 с.
3. Бондарко А. В. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. — Л., 1990. — 262 с.
4. Тарасова Е. В. О многоаспектной природе времени (время физическое, перцептуальное, языковое, художественное и лингвистическое) / Е. В. Тарасова // Вест. Харьков. ун-та. — Харьков, 1989.
5. Кандрашина Е. Ю. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах / Е. Ю. Кандрашина, Л. В. Литвинцева, Д. А. Поспелова. — М.: Наука, 1989. — 328 с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
7. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста / И. Я. Чернухина. — Воронеж: ВГУ, 1987. — 158 с.
8. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // «Вопросы языкознания» — М.: Деловые медиа, 1998. — № 3. — С. 62 (43–73).
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург: Москва, 1880–1882. — Т. 1–4. — Режим доступа: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=19133> (Дата обращения 04.05.2024)
10. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма / Е. П. Ростопчина. — М.: Советская Россия, 1986. — 447 с.
11. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — В 2 т. — Т. 2. П-Я. — СПб.: Златоуст, 2014. — 592 с.

Воронежский государственный университет
Качурина И. И., аспирант кафедры русского языка
E-mail: Ira.sarabi@yandex.ru

Voronezh State University
Kachurina I. I., Postgraduate student of the department of
the Russian language
E-mail: Ira.sarabi@yandex.ru